

И.Ф. Нильский

Семейная жизнь в русском расколе в
царствование Императора Николая I

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 8. С. 243-289.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Изъ предъидущей статьи (1) мы видѣли, что въ прошлое царствованіе, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, ученіе о необходимости брака болѣе и болѣе усвоилось Поморской безпоповщиной и выражалось не только въ формѣ безсвященнословныхъ, или сводныхъ, брачныхъ союзовъ, заключавшихся по благословенію родителей и наставниковъ, но и въ видѣ правильныхъ браковъ, освящавшихся молитвами православныхъ и единовѣрческихъ пастырей, хотя, разумѣется, оставалось еще не мало поморцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, которые безбрачіе считали единственно правильною и законною формою жизни. Какъ же относилась въ разсматриваемое нами время къ вопросу о бракѣ безпоповщина Федосѣевская, и прежде всего еедосѣевщина Московская, которая, благодаря своему Преображенскому кладбищу, задавала тонъ всѣмъ ииогороднимъ послѣдователямъ Ковылина?

(1) Смотр. Христ. Чт. 1869 г. Іюнь.

Мы говорили (¹), что, еще въ концѣ царствованія Императора Александра 1-го, власть обратила свое вниманіе на развращавшее народную нравственность ученіе Преображенскаго кладбища объ обязательномъ для всѣхъ дѣвствѣ и признала это ученіе вреднымъ, а распространителей его подвергла суду и преслѣдованію. Гнусинъ и Таровитый — главные руководители московскихъ едосѣвцевъ въ то время и самые ревностные проповѣдники безнравственнаго ученія были схвачены и заточены въ Соловецкій монастырь, — за Преображенскимъ кладбищемъ усиленъ былъ надзоръ и наконецъ Едосѣвцы, какъ непоповцы, отвергавшіе бракъ, лишены были права на выборы въ общественныя должности (²). При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, едосѣвцамъ московскимъ можно было понять, что они въ ученіи своемъ о всеобщемъ безбрачїи идутъ ложною, и притомъ не безопасною, дорогою. Къ сожалѣнію, лица, которымъ порученъ былъ ближайшій надзоръ за Преображенскимъ кладбищемъ, были слишкомъ податливы на деньги, а у богатыхъ московскихъ едосѣвцевъ этого добра всегда было много. Съ другой стороны хотя, по Высочайшему повелѣнію, Гнусина и Таровитаго должны были держать въ Соловецкомъ монастырѣ „подъ самымъ строгимъ карауломъ“, тѣмъ не менѣе хитрые едосѣвцы находили случаи не только пересылать „мученикамъ за вѣру“ деньги, но и лично бесѣдовать съ ними (³). А слѣдствіемъ этого было то, что, и послѣ заключенія Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ монастырѣ, вліяніе ихъ на московскихъ и даже

(¹) Христ. Чт. 1867 г. часть II, стр. 994.

(²) Собр. поет. по ч. раск. 1858 г. стр. 66, 68—71.

(³) Собр. поет. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 258; Кельсиев, вып. 1, стр. 63.

иногороднихъ еедосѣвцевъ не прекращалось, какъ не прекращалось среди еедосѣвцевъ и бракорборное учение ихъ. Семень Кузьминъ, одинъ изъ главныхъ наставниковъ Преображенскаго кладбища, навѣстившій Гнусина и Таровитаго въ Соловецкомъ заточеніи, привезъ отъ „семишленной особы“ посланіе кладбищу, въ которомъ „страждущій праведникъ“, какъ величали Гнусина его ученики, убѣждалъ своихъ бывшихъ послѣдователей не смущаться тѣмъ, что „антихристъ править царствомъ“, и твердо пребывать въ „древнемъ благочестіи“, а самъ Кузьминъ, какъ наставникъ, получилъ отъ Гнусина наставленіе „отверзати входеніе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ“ и „разрѣшать“ своихъ духовныхъ чадъ какъ можно болѣе, чтобы они видѣли въ наставникѣ „истиннаго молитвенника о грѣхахъ своихъ“ (1), т. е. получилъ наставленіе отрицать бракъ и потворствовать разврату. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Кузьминъ вѣрно слѣдовалъ кощунственному наставленію Соловецкаго узника. — тѣмъ болѣе, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благоприятствовали этому. Возвратившись въ Москву, Кузьминъ нашель, что нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища, вѣроятно, по внушенію поморцевъ, вступили, въ его отсутствіе, въ браки и—даже съ женщинами православнаго исповѣданія, въ слѣдствіе чего нерѣдко и сами обращались въ православіе (2); между тѣмъ наставники, вмѣсто того, чтобы отлучать подобныхъ нарушителей еедосѣвскаго устава отъ общества, довольствовались наложеніемъ на нихъ епитимій по 80 и по 100 поклоновъ въ день, при чемъ называли ихъ

(1) Кельсіев, вып. 1, стр. 63—4.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 204.

„староженами“ и даже допускали въ моельни, паравиѣ „съ истинными христіанами“. Такое, по выраженію фанатика, „запустѣніе на мѣстѣ святѣ“ должно было вызвать со стороны Кузьмина,—усерднаго почитателя Глусина,—самое рьяное противодѣйствіе появившемуся злу—горячею проповѣдію въ пользу дѣвства, съ разрѣшеніемъ „любится“, какъ кому вздумается, только безъ брака. А когда, въ первые годы царствованія Императора Николая Павловича, послѣдовали распорженія о томъ, чтобы не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ внѣ-церковные браки, въ слѣдствіе чего пропаганда номорцевъ въ пользу брачной жизни усилилась, Кузьмину и подобнымъ ему фанатикамъ предстояла необходимость отстаивать бракоборство всѣми правдами и не правдами; въ противномъ случаѣ Преображенскому кладбищу грозила опасность лишиться многихъ изъ своихъ послѣдователей. Къ счастью проповѣдниковъ бракоборства, въ 1831 году является въ Москвѣ холера со всѣми ужасами неразгаданной и смертельной болѣзни. „Вотъ седьмой фіалъ гнѣва Божія изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры“,—завопили Кузьминъ и его помощники; но такъ какъ умирали не одни православные, а и еедосѣвцы, то проповѣдники прибавляли: „христіане забыли свои обѣты и, послѣдуя антихристу, стали вступать въ незаконныя брачныя сплетенія и даже внѣшнимъ обрядомъ, сі—есть, еретическимъ вѣнчаніемъ; вотъ праведная десница Всевышняго и караетъ отступниковъ“. Болѣзнь была такъ страшна, опасность смерти такъ близка, а вопли ножаковъ еедосѣвскихъ такъ сильны, что многимъ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать имъ. И вотъ не только еедосѣвцы, такъ или иначе вступившіе въ бракъ, но

и многіе изъ православныхъ, обольщенныхъ наставниками Преображенскаго кладбища, расторгали свои семейные союзы, какъ грѣшныя, или по крайней мѣрѣ—неблаговременныя, и бѣжали въ пріюты кладбища, ища въ нихъ спасенія душевнаго и, если можно, тѣлеснаго, и давая обѣты ко всегдашнему безбрачію. Миновала гроза, успокоились оставшіеся въ живыхъ жители древней столицы, но не почли отъ трудовъ своихъ вожаки московскаго еедосѣвскаго общества. Когда нѣкоторые изъ послѣдователей Преображенскаго кладбища стали снова склонять слухъ свой къ проповѣди поморцевъ о необходимости брачной жизни,—они завопіяли: „не обращайтесь вспять, ратоборствуйте противъ искушеній, — иначе кара Божія снова постигнетъ не хранящихъ уставовъ, которые заповѣдали намъ отцы наши“. А когда правительство, снисходительно отнесшееся къ безсвященнословнымъ бракамъ поморцевъ въ началѣ прошлаго царствованія, стало съ теченіемъ времени преслѣдовать эти браки, какъ „поселяющіе развратъ и беззаконную жизнь“,—еедосѣвскіе наставники нашли въ этомъ обстоятельствѣ новый предлогъ къ требованію отъ своихъ учениковъ жизни безбрачной. „Правильнаго брака, стали говорить они, теперь быть не можетъ, потому что нѣтъ нынѣ не только православнаго священника, но и учителя истиннаго и вселестнаго: а составлять бракъ общимъ изволеніемъ брачующихся и благословеніемъ родителей, по образу новопротестантскихъ сектъ (т. е. поморцевъ), противно писанію, не твердо и зѣло опасно, понеже сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ женитвамъ бывать“. Заключение понятно. А чтобы сильнѣе подѣйствовать на массу, вожаки еедосѣвскіе, не ограничиваясь устными наставле-

ціями, стали писать и распространять между своими послѣдователями сочиненія, въ которыхъ развивали и доказывали тѣ же мысли. Одно изъ сочиненій съ такимъ содержаніемъ мы уже указали въ предъидущей статьѣ: это — „отсловіе къ новоженамъ“. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого еедосѣвскаго произведенія, изъ котораго они увидятъ, что преслѣдованіе правительствомъ безсвященнословныхъ браковъ поморскихъ, бывшее причиной того, что большая часть поморцевъ вынуждена была вѣнчаться въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, дало еедосѣвскимъ наставникамъ основаніе указывать на это обстоятельство, какъ на сильное побужденіе къ безбрачію.

Сказавъ въ началѣ, что браки поморцевъ, заключавшіеся по благословенію родителей, на основаніи „чисто-сердечнаго обѣщанія“ брачующихся „между собою предъ Богомъ и святымъ евангеліемъ“, составляютъ „несообразно законному основанію и ближайшее подобіе имѣютъ къ тѣмъ, кои сужденіемъ святыхъ церкви за незаконныя и за несущіе вмѣняются“, что такія сопряженія „основаны и оправдываются въ сіе послѣднее и многобѣдственное время отъ мужей злоумныхъ, посредствомъ растлѣннаго толкованія словесъ святаго писанія, не безъ оскорбленія всего древлецерковнаго узаконенія,“ въ слѣдствіе чего „жепящіися“ такимъ образомъ „правильно нарицаются повоженами“, потому что „новозаконіемъ составляются“, сочинитель замѣчалъ далѣе, что сводные браки поморцевъ „и существовати въ своей силѣ и законномъ образѣ не могутъ, яко законно неутвержденные, особно, егда по обстоянію сего времени и внѣшнихъ сугубое начальство препятствуетъ симъ самочиннымъ

женитвамъ бывати. И какой опасности и сколь великимъ неудобствамъ и бѣдамъ подвержены“ вступающіе въ подобныя браки; „понеже всѣми, какъ церковными, такъ и градскими, учрежденіями запрещаются потаенные браки и осуждаются казнію, да и самое существо брачной вещи къ своему составленію и продолженію сожитія требуетъ публичнаго—и въ мірѣ, а не въ вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ.... Живущимъ же въ мірѣ сколь неудобно есть утаити брачное сопряженіе надолзь,—особливо, егда рождшіяся дѣти возопіють, никого же бояся, и егда сіи несчастныя, яко зазорныя, вмѣнятся въ мірѣ, и лишены будутъ законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства.... И что тогда сотворятъ женящіися между собою благословеніемъ своихъ родителей, егда сущее начальство поищетъ о семъ отвѣта; но все, елико ни возглаголють, утвердити своей законности отнюдь не возмогутъ, понеже и въ святыхъ древлецерковныхъ законахъ, и у внѣшнихъ въ новоцерковныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ, сего образа“ брачныхъ сопряженій „не обрѣтается“. И остается новожецамъ, въ случаѣ разслѣдованій и преслѣдованій,—либо „искать своей женидѣбѣ новаго подтвержденія, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемониальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ и принести жертву въ всельегорѣ образованную (т. е. вѣичаться въ церкви православной), либо принять начертаніе сквернаго богоборца вмѣсто креста Спасова на челѣ, либо имя онаго звѣря, смуже число 666 (т. е. принять православіе)“; въ противномъ же случаѣ „страданіе предлежитъ и бѣдственное объятіе; и сіе, замѣчалъ авторъ „отсловія,“ на самомъ опытѣ довольно извѣстно.“ Если же и удастся нѣкоторымъ изъ вступившихъ въ безсвященнословные браки избѣжать

суда и преслѣдованія, „особливо удалившимся въ дѣсныя улусы, или во многонародныхъ градѣхъ пребывающимъ“, — это еще не доказательство правильности и законности новоженческихъ союзовъ, такъ какъ „не токмо безчинносоставныя, или возбраненныя, по правиломъ, брацы, но и самыя блудныя и предлюбодѣйныя сожитія могутъ обрѣстися въ мирѣ, кои не абіе судъ и наказаніе, или слѣдующее по закону исправленіе, приѣмлютъ, но по времени и по случаю: но не убо законными кто почтетъ до сего оныя, или оправдаеть, за еже находятся не расторжены“.

Доказывая далѣе незаконность формы брачныхъ сопряженій новоженческихъ — „за небытіемъ священныхъ лицъ точію благословеніемъ родителей“ — и сказавъ, что „во всѣхъ узаконеніяхъ, въ соборныхъ и отеческихъ правилахъ и въ чиновникахъ церковныхъ и въ градскихъ законахъ вездѣ священническому лицу благословляти и молитвою утверждати честные браки указано, родителей же благословенія къ брачному составленію нигдѣ въ законныхъ правилахъ не упоминаютъ“, а требуется только „соизволеніе“ ихъ на бракъ, авторъ „отсловія“ продолжалъ: „самовластїи же, сі-есть, совершенный имѣющїи возрастъ, — и не хотящу отцу ихъ, женятся и посягають законо, по силѣ градскаго закона; кто же будетъ сихъ благословляти?“ Притомъ же „не у всѣхъ чадъ родители случаются здравствовать до совершеннаго ихъ возраста, но мнози лишаются сего средства, и смертію временною оныхъ и вѣчною, сі-есть, невѣріемъ, или зловѣріемъ до конца одержимыхъ“; какое же „отъ сихъ послѣднихъ родителей можетъ истечь духовное благословеніе?“ Что же касается другой формы брачныхъ новоженческихъ сопряженій, по которой, независимо отъ родительскаго

благословенія, „сопрягавшаяся чета клялась еще предъ всемогущимъ Богомъ и цѣлымъ свѣтомъ во всю жизнь ложе свое хранить безпорочно и свято“, — то авторъ „отсловія“, назвавъ эту форму „странною“, замѣчалъ: „здѣ указать прилично слѣдующее: всѣмъ извѣстно, что мало такихъ новозаконныхъ браковъ, кои бы и сицевымъ образомъ совокуплялися, но и того меньше видится, чтобы сицевыя сопряженія до конца устояли въ своемъ образѣ. На самомъ опытѣ видно, что большая часть, согласясь между собою, кромѣ воли родительской и совѣщанія, аще нѣпци и подъ властію тѣхъ, творять свою женитву блудосоставнымъ образомъ, или тайно похищаютъ себѣ дѣвиць, уводя изъ домовъ родителей съ великимъ сихъ оскорбленіемъ, а для избѣжанія законной казни и дабы дать видъ брака своему сочетанію, прибѣгаютъ къ вельфегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія, покупая себѣ погубель и защиту оттуду и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти, и, принявше отъ сихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безопасны.“ Другіе, по словамъ бракорбца, „чувствуя несовершенство“ безсвященнословныхъ браковъ „и не взирая на велеумное своихъ родителей и законниковъ мудрованіе, признаютъ за необходимую нужду укрѣпляти свои сожитія виѣшнимъ обрядомъ, си есть, еретическимъ вѣнчаніемъ и благословеніемъ, сколь бы сіе ни разумѣли быть душевреднымъ“. Сказаннаго, по мнѣнію автора „отсловія“, „довольно къ ясному понятію о новоженящихся различнымъ образомъ и о силѣ родительскаго въ брацѣ благословенія и о самой ихъ новой формѣ и проч., сколь все то недѣйствительно и незаконно и по основанію

недостовѣрно и въ существованіи неблагонадежно, па-че же и бѣдоносно сяцевое новоженство: и самая — рѣд-кость женящихся сею формою есть тому доказатель-ствомъ⁴.

Нельзя не сознаться что пріемъ, къ которому при-бѣгли еедосѣвскіе вожаки, для убѣжденія своихъ уче-никовъ въ необходимости безбрачія, былъ довольно иску-сный. При глубокомъ отвращеніи къ церкви православ-ной, истому послѣдователю Преображенскаго кладбища оставалось одно средство обзавестись семьей, — это — вступить въ бракъ безсвященнословный, или сводный, по примѣру поморцевъ; но такой бракъ, замѣчали ему ревнители безбрачія, незаконенъ не только „по сужде-нію святая церкви“, но и по суду „градскаго закона“, преслѣдующаго такіа сожитія. Что же остается послѣ этого дѣлать, спрашивали своихъ наставниковъ молодые еедосѣвцы и еедосѣвки, ощущавшіе въ своихъ жи-лахъ кровь, и притомъ горячую? „Не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если и родишь, тайно воспитай и племян-ничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ“ (1), — былъ отвѣтъ еедосѣвцамъ — мужчинамъ. „Дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай, — сколько хочешь — народи, только за мужъ — не ходи, — насъ отцы за грѣхъ прос-тятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ“ (2), — такъ успокои-вали старые развратники молодыхъ еедосѣвокъ — дѣ-вицъ и женщинъ. Эти отвѣты были даны не Гнуси-нымъ и Таровитымъ, но они до іоты согласовались съ

(1) „Негина“, — соч. издан. за границей, кн. 2, 1867 г. листъ 67.

(2) „Дваственика — еедосѣвка“, — соч. Андреева Сергѣева, — въ сборн. бракобор. сочин., находящихся въ публич. библиот. № 30.

ученіемъ о бракѣ и семьѣ указанныхъ изувѣровъ. А послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ рассматриваемое нами время семейная жизнь большинства московскихъ еедосѣвцевъ представляла тѣже дикія явленія самаго грубаго разврата, какія совершались въ жизни послѣдователей Преображенскаго кладбища—въ то время, когда ими непосредственно руководилъ „гражданинъ всей Россіи“ Гцусинъ съ своимъ „лукавымъ и непотребнымъ товарищемъ—Ванькою Еедотовымъ“ Таровитымъ. По свидѣтельству Андреяна Сергѣева, зорко слѣдившаго за жизнію своихъ противниковъ и хорошо знавшаго всѣ закулисныя тайны ихъ,—московскіе еедосѣвцы въ рассматриваемое нами время составляли „седмглавое общество“ и дѣлились на слѣдующія группы: на дѣвственниковъ, староженовъ, половинки, новоженовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоженовъ. Подъ *дѣвственниками* Сергѣевъ разумѣлъ тѣхъ изъ еедосѣвцевъ, которые отрицали бракъ и признавали законнымъ одно дѣвство, но въ случаѣ „безсилія къ чистотѣ“ предавались „любострастію“, въ надеждѣ на покаяніе и разрѣшеніе отъ отцевъ духовныхъ. *Старожены*—это—лица, вступившія въ бракъ до перехода въ еедосѣвскій расколъ; одни изъ нихъ, давши обѣтъ цѣломудрія, вели себя воздержно и не смѣшивались съ своими женами, хотя и жили съ ними въ однихъ домахъ „по гражданству“, т. е. чтобы скрыть отъ общества свой переходъ въ бракоборный расколъ; другіе, не смотря на данный, при вступленіи въ секту, обѣтъ чистоты, продолжали жить съ своими женами на правахъ мужей, но за чадородіе подвергались разнаго рода епитиміямъ, а за четвертое рожденіе и со всѣмъ отлучались отъ общества. *Половинками* назывались такіе брачныя

союзы, въ которыхъ одно лице (и по преимуществу—женское) принадлежало къ едосѣвщинѣ, а другое (мужъ)—къ православію; по правиламъ едосѣвскимъ, такіе браки, заключавшіеся большею частію въ церкви православной, „отречены и уничтожены“ и „суть, по словамъ автора „отсловія къ новоженамъ“, „знаменія втораго Христова пришествія“, или—такіе беззаконные браки, какими были браки сыновъ Божіихъ съ дщерями человѣческими, за которые Господь истребилъ родъ человѣческій потопомъ (1). Если же лице православное переходило потомъ въ расколъ, его послѣ перекрещиванія разводили съ лицомъ, принадлежащимъ къ едосѣвщинѣ, и если напр. это былъ—мужъ, онъ считался, какъ старожень, законнымъ, а жена его, какъ новоженка, признавалась блудницей; рождать дѣтей такому старожену отъ жены—новоженки запрещалось, а „за измѣненіе дѣвственной обязанности“ онъ подлежалъ тѣмъ же наказаніямъ, какимъ подвергались за чадородіе и всѣ вообще старожены. *Новоженками* считались тѣ изъ едосѣвцевъ, кои открыто жили съ одною какою-либо женщиною на правахъ мужей, по взаимному согласію между собою, безъ всякихъ впрочемъ формальныхъ обязательствъ; по вѣрѣ едосѣвцевъ, такіе союзы—явный блудъ, мужчина—любовникъ, а женщина—любодѣйка; „по гражданству“, т. е. во мнѣніи людей стороннихъ, они были мужъ и жена и дѣти ихъ считались законными; по правиламъ едосѣвскимъ, такія лица находились въ постоянномъ отлученіи отъ общества, и только предъ смертію „сочетавались съ церковію съ покаяніемъ блудническимъ“; отъ этого едосѣвцы—новожены, отвергнутые своимъ обществомъ, дѣлались

(1) Быт. VII. 1—7; снес. Мс. XXIV, 37—42.

иногда совершенно равнодушными ко всему религиозному и впадали въ безвѣріе; нерѣдко предавались нетрезвой и развратной жизни, считая женъ своихъ наложницами, отъ чего союзъ семейный часто расторгался, особенно если не было дѣтей, а „духовные отцы“ одобряли подобный разводъ (1). *Дѣвкожены*—это—молодые, холостые еедосѣвцы, жившіе въ тайной связи съ дѣвницами, съ которыми вступали въ сожителство „по взаимному началу предъ Богомъ — жить супружески, а въ публикѣ и въ обществѣ считаться безбрачными и дѣтей подкидывать“. Эти лица, какъ безбрачныя, не отлучались отъ общества еедосѣвскаго и только предъ смертію каялись предъ наставниками въ своемъ сожителствѣ, какъ блудъ. Были впрочемъ между дѣвкоженами и такіе, которые „имѣли сожителство семейственное, въ гражданствѣ же по пачпортамъ и билетамъ“ значились „дѣвица“ и „холостой“; дѣти считались, — „ззорными“, или незаконно рожденными, и находились „при матери“, а отецъ ихъ трактовался чловѣкомъ „безъ жены и безъ дѣтей“; въ народѣ они слыли за мужа и жену, а въ обществѣ еедосѣвскомъ признавались явными блудниками и до смерти находились въ отлученіи. *Тайножены*—это—тѣ изъ еедосѣвцевъ, кои „для общей плотской жизни втайнѣ“ сходились „вдовцы съ дѣвницами, холостые со вдовицами—по домашнему началу предъ святыми иконами“, давая обѣщаніе другъ другу „почитать себя якобы въ союзѣ супружескомъ, увѣряя другъ друга: я твой, а ты моя, и она взаимно: я твоя, а ты мой, и хранить сіе втайнѣ, никому о семъ не объявляя; въ публикѣ показываться безбрачными, жить въ раздѣльности, посѣщать другъ друга какъ

(1) Истор. мин. внутр. дѣл,—кн. 8, стр. 635.

можно сокровеннѣе, подъ видомъ дружества, или знакомства, а дѣтей подкидывать“. Эти лица не только не отлучались отъ общества еедосѣвскаго, но даже „одобрялись, на исповѣди духовниками“ за то, что „въ супружествѣ законномъ не числились“. Наконецъ были въ разсматриваемое нами время между московскими еедосѣвцами и такіе мужчины и женщины, которые, не желая стѣснять себя „обязательнымъ союзомъ“, ставили себѣ правиломъ: „каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить“; этихъ-то безпардонныхъ развратниковъ и развратницъ и называлъ Сергѣевъ „многोजенами“, или „проклятыми магометанами“; одни изъ нихъ подкидывали своихъ дѣтей, другіе оставляли ихъ при матеряхъ—„дѣвѣцахъ и вдовицахъ“, въ качествѣ незаконнорожденныхъ, а „нѣщны имѣли и дѣтогубленіе отравою“. Тѣ изъ многоженовъ, кои умѣли вести дѣла свои осторожно, находились „въ соединенности церковной, яко цѣломудренныя и чистаго житія“; а неумѣлыя и явные развратники „точію въ подозрѣніи“ были и хотя „подлежали“ нѣкоторымъ „высканіямъ церковнымъ“, но „въ числѣ ревностныхъ и твердыхъ христіанъ являлись“ (1). Такимъ образомъ, и въ разсматриваемое нами время, какъ и при Гнусинѣ, начала, которыми руководилось и жило большинство московскихъ еедосѣвцевъ, были слѣдующія: дѣвство на словахъ и полный развратъ на дѣлѣ, безбрачіе въ теоріи и самое

(1) „Дѣвственница—еедосѣвка“, —соч. Андреяна Сергѣева; это сочиненіе, находящееся въ сборникѣ бракобор. сочин. публ. библ. подъ № 30, мы читали еще въ сборн. библ. покойнаго митропол. Григорія № 154; здѣсь оно помѣщено въ двухъ, нѣсколько различныхъ по выраженіямъ, редакціяхъ; первая на л. 264—268; вторая на л. 271—278; вторая редакція подливе, за то первая янѣе.

разнообразное наложничество на практикѣ. Это—худо, но въ скоромъ времени открылись въ московской едосѣвщинѣ явленія еще болѣе возмутительныя.

Мы видѣли, что въ числѣ разныхъ формъ, въ которыхъ проявлялось едосѣвское безбрачіе, было, между прочимъ, новоженство. Хотя новоженство едосѣвское было не больше, какъ открытое наложничество, тѣмъ не менѣе наставники Преображенскаго кладбища смотрѣли на него очень неблагоклонно. Новоженъ, избравшій себѣ для сожителства одну, любимую имъ, женщину и открыто признававшій ее, по крайней мѣрѣ „по гражданству“, своею женою, а дѣтей, прижитыхъ съ нею, оставлявшій при себѣ, какъ своихъ, очевидно, уже *de facto* отдѣлялся отъ едосѣвской общины, такъ какъ отвергалъ дѣвство, какъ обязательный для всѣхъ законъ, и склонялся на сторону жизни семейной; а это было уже значительнымъ шагомъ въ пользу признанія необходимости брака. И вотъ, вида, что новоженство болѣе и болѣе распространяется между послѣдователями Преображенскаго кладбища, и опасаясь, чтобы оно не повело „малодушныхъ“ къ дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу жизни брачной, нѣкоторые изъ „лютыхъ“ московскихъ бракоборцевъ, желая внушить своимъ ученикамъ омерзѣніе къ браку, семьѣ и дѣтямъ, стали проповѣдывать,

„Что къ зачатю челоуѣка, нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ Творецъ не посылаетъ, самъ діаволь помѣщаетъ,
Сатана ждетъ людей, множество числомъ семей“.

Прочитавъ эти вирши, разоблачающія изувѣрный взглядъ едосѣвцевъ на семью со всѣми ея послѣдствіями, мы думали сначала, что Андреянъ Сергѣевъ, которому принадлежать означенные стихи, въ жару

споровъ съ бракоборцами, увлекся, впалъ въ преувеличеніе и за тѣмъ для краснаго словца, или вѣрнѣе: для рѣзвы, позволилъ себѣ клевету на своихъ противниковъ, и никакъ не хотѣли допустить, чтобы едосѣвскіе вожаки, какъ ни дико ихъ ученіе о бракѣ, могли такъ изувѣрно толковать о современномъ происхожденіи на свѣтъ Божій грѣшнаго человечества въ лицѣ ни въ чемъ невиноватыхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, несомнѣнныя данныя убѣдили насъ, что Сергѣевъ, изображая въ своей „дѣвственницѣ—едосѣевкѣ“ воззрѣнія на бракъ, нравы и обычаи бракоборцевъ московскихъ, не сочинялъ, а писалъ съ натуры, и что дѣйствительно нѣкоторые изъ наставниковъ Преображенскаго кладбища въ 40 годахъ настоящаго столѣтія стали учить, будто нынѣ—въ царство антихриста—умноженіе рода человеческого зависитъ отъ сатаны и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ Божій съ душою, данною ему діаволомъ. Около 50 годовъ найдена была на Преображенскомъ кладбищѣ тетрадь, содержащая въ себѣ, такъ сказать, исповѣданіе вѣры послѣдователей Ковылина. Въ этой тетрадѣ, имѣвшей заглавіе: „отеческія завѣщанія изъ книги пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича“, находились, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 установленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднилась и настало царствованіе антихриста (пун. 1-й); бракъ отъясся и запретился (пун. 3); къ зачатію младенца душа отъ діавола (пун. 9-й); христіане брачащіяся суть змѣино гвѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворще (пун. 10-й); въ бракахъ христіанскихъ (т. е. едосѣевскихъ сожитіяхъ) родства

тѣлеснаго не признавать (пун. 11-й); о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана“ (пун. 12-й)⁽¹⁾. Мы не знаемъ, кто былъ этотъ Сергій Семеновичъ, оставившій Преображенскому кладбищу такое страшное наслѣдство⁽²⁾, но то несомнѣнно, что въ 40-хъ годахъ преемники Ковылина въ своемъ ученіи о бракахъ руководились пунктами „отеческихъ завѣщаній“, такъ какъ найденная тетрадь была подписана старшимъ попечителемъ Преображенскаго кладбища и тѣмъ какъ бы признана за руководительное начало для его послѣдователей. Къ какимъ послѣдствіямъ должно было привести московскую едосѣвщину ученіе, основанное на указанныхъ пунктахъ, понять не трудно. Если зачавшемуся во чревъ молодой едосѣвки ребенку посылаетъ душу діаволь, а не Богъ, то что же препятствуетъ стыдливой дѣйственницѣ лишить его жизни, если не до рожденія, такъ по крайней мѣрѣ — по рожденія? Вотъ

(1) Голось 1866 г., 9 ноябр., № 310; Раскольники и острожники—Ливанова 1868 г. стр. 266—7.

(2) Судя по изувѣрству указанныхъ пунктовъ, можно думать, что „отеческія завѣщанія“, которыми руководились въ своей жизни преобразенцы въ прошлое царствованіе, принадлежать тойже „семиименной особѣ“, которая своимъ ученіемъ повергала въ развратъ московскую едосѣвщину въ первой четверти настоящаго столѣтія, т. е. Гаусину, который, какъ извѣстно, иногда назывался Сергѣемъ и оставилъ послѣ себя сочиненіе подъ названіемъ: „пандектъ“ (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 69; Катал. Люб. стр. 62 № 174; Кельсіевъ вып. 1, стр. 42). При такомъ предположеніи остается одно недоумѣніе: Гнусна Любопытный называетъ по отечеству Ивановымъ (сборн. для истор. стр. т. 2, вын. V, прилож. стр. 142), между тѣмъ какъ писатель „отеческихъ завѣщаній“ величается „Семеновичемъ“. На письменный вопросъ нашъ объ этомъ предметѣ, о іеромонахъ Павелъ (Прусскій) отвѣчалъ, что „отеческія завѣщанія не принадлежать одному автору и не въ одно время составлены, но въ разныя времена на разныхъ едосѣвскихъ сходбищахъ“, и что „въ нихъ содержится разныхъ настоятелей мнѣнія о управлѣніи едосѣвства по вышнему времени, а больше входятъ въ нихъ составъ время Гаусина, есть и польскіе статьи“.

и объясненіе, почему, при обследованіи Преображенскаго кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное количество—не рыбъ большихъ, а утопленныхъ еедосѣвскихъ младенцевъ (1). Если далѣе въ бракѣ, какъ бы онъ ни былъ заключенъ, нѣтъ, по мнѣнію изувѣровъ, тѣлеснаго родства, то что мѣшаетъ пожилому еедосѣвцу утолить похоть свою съ красивой, молодой дѣвицей, родившейся отъ женщины, бывшей когда-то его стряпухой (кухаркой) и вмѣстѣ подругой („сударкой“)? Вотъ вамъ и готова, такъ называемая, „отцовщина“, по правиламъ которой, трудящемуся подобаетъ прежде вкусить отъ плода своего (2).

Но говорятъ: „нѣтъ худа безъ добра“. Такъ случилось и въ настоящій разъ. Указанные нами пункты „отеческихъ завѣщаній“, которыми наставники Преображенскаго кладбища хотѣли остановить развитіе въ московской еедосѣвщинѣ семейной жизни, хотя бы въ видѣ новоженства, были до того противоестественны и дики, до того противорѣчили здравому смыслу и физической природѣ, что на многихъ они произвели дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого ожидали отъ нихъ „лютые бракоборцы“. Масса, люди невѣжественные и грубые до животности, мастеровые и рабочіе, трудившіеся изъ-за куска хлѣба на фабрикахъ богатыхъ московскихъ еедосѣвцевъ,—„призрѣнды“ богадѣленные, жившіе подаваемъ кладбища, шли, какъ стадо скота, по пути, который указывали имъ ихъ „кормилицы“. Жена и дѣти были въ тягость этимъ бездомнымъ голышамъ, и они съ восторгомъ слушали про-

(1) Голосъ 1866 г. № 310.

(2) Кельсиев. вып. 4, стр. 22—3; Истор. мн. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 642.

повѣдь какого-либо наставника — калеки о томъ, что нынѣ „бракъ отъяся и запретися“, что „къ зачатію младенца душа дается отъ діавола“ и что, въ случаѣ „бесилія къ чистотѣ“, можно дозволить себѣ „паденіе“, и даже хотъ съ сестрой, если нѣтъ средствъ для пріобрѣтенія ласкъ сторонней женщины; „понеже въ нынѣшнихъ бракахъ родства тѣлеснаго нѣтъ“, и притомъ „за грѣхъ отцы простятъ“ и даже „въ райско мѣсто помѣстятъ“. Не то могли и должны были чувствовать, слыша подобную проповѣдь, лица болѣе или менѣе развитыя, еще не убившія окончательно развратомъ своей совѣсти и своего человѣческаго достоинства, — люди состоятельные, которымъ только и недоставало въ жизни семейныхъ радостей и которые занимали въ обществѣ видное положеніе, — особенно новожены едосѣевскіе, имѣвшіе уже дѣтей, которыхъ такъ позорили „отеческія завѣщанія“, — по преимуществу же — женщины — едосѣевки, которыя, если не уомъ, такъ, по крайней мѣрѣ, своимъ женскимъ инстинктомъ, понимали всю гнусность и жестокость роли, какую пришлось бы имъ занять, въ случаѣ „бременошенія“. Всѣ эти лица ясно увидѣли теперь, что бездна, въ которую хотятъ ввергнуть ихъ разные Семены Кузьмины, Сергѣи Семеновы, Макары Стукачевы и подобные имъ, можетъ привести только къ безднѣ преисподней. И стали эти люди, оскорбленные своими вожаками въ самыхъ завѣтныхъ и дорогихъ для нихъ чувствахъ, колебаться въ своей преданности Преображенскому кладбищу, которое такъ дерзко и безжалостно хоронило семью и ея радости, — и начали искать они выхода на свѣтъ Божій изъ-за мрачныхъ каменныхъ стѣнъ, въ которыхъ Ковылинъ и его преемники хотѣли создать особое темное царство — съ

особыми безнравственнѣйшими нравами. Не легка была эта борьба свѣта со тьмой, добрыхъ и законныхъ человѣческихъ стремленій разумнѣйшихъ московскихъ едосѣвцевъ съ „злыми и лютыми“ правилами, которыя старались навязать имъ ихъ темные вожди. Но на помощь добру явились благоприятныя обстоятельства—внѣшнія, и оно мало по малу восторжествовало надъ зломъ.

Мы уже говорили, что еще въ 1820 году Преображенское кладбище обратило на себя вниманіе правительства—своими вредными правилами и, между прочимъ, тѣмъ, что проповѣдывало „неповиновеніе къ властямъ и закону и развращеніе браковъ“. Тогда же Высочайше повелѣно было Гнусина, разсѣявавшаго вредное ученіе, отыскать и предать суду. Съ тѣхъ поръ правительство стало постоянно слѣдить за этимъ „гниздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей“ и употреблять всѣ средства къ ограниченію зла, какое таилось въ немъ. Въ 1823 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе съ слѣдующими предписаніями: а) метрическихъ книгъ по преображенскому богадѣльному дому не заводить, дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества, а завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ, въ которые вступающихъ въ оный вновь вносить немедленно и въ которыхъ отмѣчать выбывающихъ; полиціи же сіи списки повѣрять и наблюдать неослабно, дабы не записанные въ списки, также не имѣющіе о себѣ законныхъ видовъ, отнюдь въ семъ домѣ не проживали, а если таковые окажутся, то непременно подвергать ихъ сужденію по законамъ; б) вступленіе кого-либо вновь въ едосѣвскую секту ни въ какомъ

случаѣ, на основаніи законовъ, конми строго воспрещается кого-либо изъ православія обращать въ расколъ, дозволеннымъ не почитать, а потому если откроются таковыя соблазнители, то оныхъ безъ всякаго послабленія предавать суду; в) поелику существованіе Преображенскаго дома допущено правительствомъ въ качествѣ богадѣльни, но учредители вмѣсто полезнаго и богоугоднаго заведенія сдѣлали его гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей, то впредь мѣстному начальству съ точностію держаться первоначальнаго устроенія сего дома и поступать съ нимъ, какъ съ богадѣльнею, и не допускать, чтобы онъ присвоилъ себѣ какія-либо права, какъ заведеніе раскольнической секты; г) посему приѣма подкидышей обоюго пола не возбранять, но воспитывать ихъ въ домѣ только до четырнадцатилѣтняго возраста, а затѣмъ попечитель дома обязанъ отпускать, или пристроить ихъ внѣ онаго; д) престарѣлыхъ принимать также не возбранять, но притомъ возрастъ престарѣлости считать не менѣе пятидесяти лѣтъ; е) больныхъ принимать до излеченія, полиціи же наблюдать, чтобы подъ названіемъ больныхъ не проживали въ домѣ здоровые для другихъ видовъ; ж) моленныхъ и келій въ Преображенскомъ домѣ не умножать и з) попечителя дома правительству имѣть въ виду одного, который бы отвѣтствовалъ военному генеръ-губернатору и полиціи за то, что въ домѣ ничего нѣтъ противнаго общественному порядку и настоящимъ положеніямъ (1).

Уже одни эти правила довольно ограничивали свободу Преображенскаго кладбища, запрещая ему совращать православныхъ въ расколъ и позволяя держать

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 78—80.

въ пріютахъ только малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлыхъ.

Въ царствованіе императора Николая Павловича, указанныя правила были усилены новыми распоряженіями, болѣе и болѣе стѣснявшими гнѣздо едосѣвскаго московскаго раскола въ его противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Такъ 26 мая 1834 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—оставить на Преображенскомъ кладбищѣ изъ наличныхъ подкидышей только тѣхъ, коимъ было въ то время менѣе трехъ лѣтъ; тѣхъ, кои имѣли отъ трехъ до двѣнадцати лѣтъ, приказано было отдать въ воспитательный домъ, — всѣхъ въ возрастѣ свыше 12 лѣтъ мужскаго пола опредѣлить въ военные кантонисты, а женскаго пола взрослыхъ—постараться по возможности пристроить; прочихъ же, равно какъ и тѣхъ, коимъ нельзя будетъ доставить приличнаго житія, обратить въ воспитательный же домъ; начальству воспитательнаго дома поставить въ обязанность размѣщать означенныхъ подкидышей такъ, чтобы они росли и воспитывались подъ надзоромъ учрежденнаго начальства, а не отдавать ихъ въ стороннія руки; при чемъ попечителю кладбища было объявлено въ объясненіе указанныхъ распоряженій, что такъ какъ онъ, согласно указу 1823 года 24 марта, подкидышей свыше 14 лѣтъ не пристроилъ, то правительство приняло само на себя обязанность нещисъ объ участи сихъ сиротъ (1).

Того же 1834 года 24 декабря указанныя распоряженія о подкидышахъ Преображенскаго кладбища были нѣсколько измѣнены и усилены, и именно, повелѣно было: всѣхъ подкидышей мужскаго пола, находившихся на кладбищѣ, считать военными кантонистами, съ исклю-

(1) Тамъ же стр. 161—2.

ченіемъ ихъ изъ ревизскаго счета по мѣщанскому словію; подкидышей менѣе трехъ лѣтъ оставить на кладбищѣ, а по достиженіи трехлѣтняго возраста отправить ихъ въ воспитательный домъ; имѣвшихъ отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ отдать въ воспитательный же домъ, а по достиженіи ими шестнадцатилѣтняго возраста, отсылать ихъ въ военное вѣдомство, для помѣщенія въ учебные карабинерные полки, куда приказано было передать и всѣхъ, находившихся на лицѣ на кладбищѣ, подкидышей, коимъ было 16 и болѣе лѣтъ; на будущее время всѣхъ подкидышей, кои будутъ принимаемы на кладбищѣ, велѣно было считать военными кадетами и поступать съ ними согласно съ изложенными правилами; относительно подкидышей женскаго пола приказано было руководствоваться Высочайшимъ повелѣніемъ 26 мая (1).

Хотя всѣ изложенныя распоряженія власти касательно дѣтей еедосѣевскихъ, жившихъ на Преображенскомъ кладбищѣ, имѣли въ виду главнымъ образомъ внѣшнее благоустройство кладбища, какъ богадѣленнаго дома, тѣмъ не менѣе они не могли не вліять и на самую доктрину московскихъ послѣдователей Ковылина. До тѣхъ поръ, пока дѣти, прижитыя блудомъ, могли свободно проживать въ пріютахъ кладбища, въ качествѣ его воспитанниковъ, или подкидышей, московскіе еедосѣевцы и еедосѣевки, согласно съ наставленіями своихъ наставниковъ, могли, не задумываясь много, оставаться безбрачными и развратничать — въ надеждѣ, что беззаконные плоды ихъ мнимаго дѣвства найдутъ себѣ пріютъ и кромѣ Хапиловскаго пруда. Но когда, по силѣ указанныхъ Высочайшихъ повелѣній, питомцамъ Пре-

(1) Тамъ же стр. 172—3.

браженскаго владбища оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или „поступать на службу антихристу“, какъ думали фанатики о военной службѣ, или, для избѣжанія этой страшной участи,—воспитываться на собственные средства матерей, такъ какъ московскіе, равно и другіе, еедосѣвцы не любили слишкомъ заботиться о своихъ „посестрияхъ“ и рождавшихся отъ нихъ „кобеличицахъ и таймичицахъ“, — многія изъ мнимыхъ дѣвственницъ должны были серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ. „Вотъ, думала краснощекая еедосѣвская дѣвка, сидѣвшая за ткацкимъ станкомъ на фабрикѣ какого-либо Гучкова и подобныхъ ему „кормильцевъ“, — теперь молода да легка, такъ всё „поди сюда“, а затяжелѣла, такъ и меду дружку надоѣла... Мужикъ, что ему? мужикъ — баловникъ, козель — мужикъ, похотникъ. Одна плоха, другую найдетъ: нашей сестры — то вездѣ довольно; рѣдкій, рѣдкій такой найдетъ, что своимъ дѣтямъ родительницу почититъ, какъ слѣдуетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши, коли не хочешь въ Хапиловку; вѣтъ, наша жпсть, бабья бѣда, въ нашемъ званіи“ (1). И начинали соображать подобныя неугомонныя головы, какъ бы лучше устроить имъ „судьбу свою“, и приходили онѣ къ одному заключенію — тому, что „въ бракѣ не въ примѣръ счастливѣе женщина“, чѣмъ „въ любовной связи“. Правда, и замужнія женщины льютъ иногда горячія слезы; но все же къ этимъ слезамъ о неудавшемся счастьѣ не прибавляется, по крайней мѣрѣ, мучительная забота о тепломъ углѣ и кускѣ хлѣба, а главное объ участи дѣтей, которыя для порядочной матери за-

(1) „Съ людьми древняго благочестія“ — Стебницкаго 1835 г. стр. 12—3.

мѣняютъ многое. И вотъ до тѣхъ поръ, пока попечители кладбища, при помощи подкупленныхъ агентовъ власти, находили возможнымъ уклоняться отъ исполненія приведенныхъ выше указовъ, скрывая на время обысковъ по деревнямъ и селамъ воспитывавшихся въ его пріютахъ подкидышей, или даже возвращая ихъ вновь на кладбище изъ самаго воспитательнаго дома (1), отцы и матери этихъ мнимыхъ сиротъ еще не рѣшились предпринимать что-либо рѣшительное въ пользу свою и своихъ дѣтей и по прежнему оставались вѣрными кладбищенскому уставу о безбрачіи. Развѣ только иногда толпы мастеровыхъ и рабочихъ, узнавъ, что прижитыхъ ими съ кладбищенскими и другими дѣвками дѣтей хотятъ отобрать „въ казну“, собирались на дворѣ кладбища и шумѣли, крича: „вотъ немилосердый царь грабитъ дѣтей у матерей“, о чемъ впрочемъ московскій оберъ-полиціймейстеръ не считалъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія высшаго правительства, даже когда его спрашивали объ этомъ.

Такой порядокъ вещей продолжался однако же не долго. Послѣ ревизіи Преображенскаго кладбища графомъ Строгоновымъ, который отыскалъ въ немъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, и указанныя выше „отеческія завѣщанія“ и довелъ объ нихъ до свѣдѣнія покойнаго Государя Императора Николая Павловича, послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія, болѣе и болѣе стѣснявшія разгульную жизнь послѣдователей Ковылина. Такъ 8 декабря 1846 года было Высочайше утверждено мнѣніе Московскаго Секретнаго Совѣщательнаго Комитета, по которому дѣти „раскольниковъ Преображенскаго кладбища, кои бракъ вовсе отвергають и имѣють дѣтей

(1) Кельсиев. вык. 1, стр. 69—70.

только прижитыхъ внѣ брака^а, признавались *незаконно-рожденными*; а „матери ихъ, по случаю отверженія ими брака^а, не имѣли права считаться „женами раскольниковъ Преображенской секты“ (1). 18 апрѣля 1847 года, въ слѣдствіе „противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ московскаго Преображенскаго кладбища“, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи „Преображенскаго богадѣленнаго дома вѣдѣнію попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Москвѣ“, при чемъ попечителемъ его былъ назначенъ графъ Строгоновъ, которому поручено было „немедля принять тотъ домъ въ свое завѣдываніе и устроить въ немъ порядокъ управленія, соблюдаемый въ другихъ подобныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, приведя въ извѣстность все имущество, доходы и вообще способы (?) сего заведенія“; въ то же время дозволено было, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта, принимать въ Преображенскій богадѣленный домъ единовѣрцевъ и православныхъ „съ допущеніемъ и священниковъ для напутствованія и утѣшенія страждущихъ“; это послѣднее распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы въслѣдствіи имѣть предлогъ „къ обращенію одной изъ часовень Преображенскаго кладбища въ единовѣрческую церковь“ (2). Въ 1850 году, независимо отъ общаго распоряженія о томъ, чтобы дѣтей всѣхъ вообще безпоповцевъ, а слѣдовательно и еедосѣвцевъ, показывать по ревизіи въ семействахъ раскольниковъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ женами раскольниковъ не записывать, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали по рожденію, — Высочайше повелѣно было

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 161.

(2) Тамъ же стр. 471—8; Голосъ 1866 г. № 310.

графу Закревскому: крестильный домъ, находившійся на Преображенскомъ кладбищѣ, запечатать, уничтоживъ въ немъ крещальню,—не дозволить въ зданіяхъ кладбища не только новыхъ построекъ, но даже никакихъ починковъ, и строго наблюдать, чтобы на будущее время не было допускаемо на кладбищѣ „оказательства раскола и мнимаго незаконнаго монашества“ (1); которое, какъ извѣстно, всего болѣе выражалось въ безбрачїи преображенцевъ. Въ 1853 году послѣдовали новыя Высочайшія повелѣнія относительно Преображенскаго кладбища. Согласно съ этими повелѣніями, прїемъ на Преображенское кладбище раскольниковъ, достигшихъ 60 лѣтъ, не воспрещался впредь до усмотрѣнія, но—съ условіемъ, чтобы попечитель кладбища о каждомъ принимаемомъ сносился предварительно съ московскимъ (или другимъ, смотря по мѣсту прежняго жительства принимаемаго) епархіальнымъ начальствомъ для удостовѣренія, не принадлежитъ-ли онъ по своему рожденію къ православію, или единовѣрїю; при чемъ приказано было привести „въ точную извѣстность“ всѣхъ, жившихъ въ богадѣльнѣ и на Преображенскомъ кладбищѣ, раскольниковъ, съ показаніемъ противъ каждаго: лѣтъ, пола, званія, мѣста рожденія, времени поступленія въ въ богадѣльный домъ, или на жительство въ зданіяхъ кладбища; лицамъ, которымъ поручено было составить эти списки, объявлено было, что „за пропуски и упущенія они подвергнутся строжайшей отвѣтственности“; списки эти велѣно было повѣрять и дополнять и каждые полгода представлять въ двухъ экземплярахъ московскому военному генераль-губернатору—одинъ для него, другой для сообщенія министру внутреннихъ дѣлъ;

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 540--1.

въ тоже время командированнымъ въ распоряженіе графа Загревскаго чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ сдѣлано было описаніе и повѣрка по планамъ принадлежавшихъ Преображенскому кладбищу зданій (1). Наконецъ, когда и послѣ всего этого противозаконныя дѣйствія раскольниковъ Преображенскаго кладбища не прекращались, Государь Императоръ 21 декабря 1853 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) „Преображенскій богадѣленный домъ подчинить вѣдѣнію Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и ограничить значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія, до смерти, выбитія или перемѣщенія, прирѣваемыхъ въ немъ, въ правительственныя богоугодныя заведенія; 2) прирѣваемыхъ, живущихъ въ отдѣльныхъ деревянныхъ домахъ, называемыхъ кельями, внутри кладбищенскихъ оградъ, перевести въ зданіе богадѣленнаго дома, а самыя кельи снести; 3) по мѣрѣ уменьшенія числа прирѣваемыхъ, сосредоточивать ихъ по удобству и постепенно—съ тѣмъ,—чтобы, по очищеніи корпусовъ, закрыть ихъ, или дать имъ другое назначеніе; 4) прирѣваемымъ довольствоваться моленными, находящимися въ домахъ, въ коихъ они живутъ; 5) запретить содержать наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ, дозволяя впрочемъ церковное пѣніе приходящимъ; малолѣтнихъ клирошанъ — до 16 лѣтняго возраста—возвратить въ семейства, а буде таковыхъ нѣтъ, то принять мѣры къ прирѣнію ихъ; взрослыхъ изъ числа иногороднихъ возвратитъ на родину, а московскимъ уроженцамъ воспретитъ жительство въ слободкѣ близъ кладбища; 6) принадлежащимъ къ безпоповщинской сектѣ дозволить приходить на мо-

(1) Тамъ же стр. 603—4.

литву, для погребенія и для панихидъ въ упомянутыя выше моленныя, но какъ для посѣщенія моленныхъ посторонними, такъ и для отлучекъ призрѣваемыхъ назначить часы съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ другіе часы никого изъ постороннихъ тамъ не было, а призрѣваемые находились бы на лице; 7) на содержаніе призрѣваемымъ назначить: а) проценты съ капитала, принадлежащаго кладбищу; б) добровольныя пожертвованія за погребеніе, за панихиды и т. п. — съ тѣмъ, чтобы подаянія ограничивались произволомъ каждаго, но отнюдь не производились бы отъ какого-либо общества, или товарищества; при недостаткѣ средствъ, размѣщать призрѣваемыхъ въ заведенія, зависящія отъ Совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества, или въ другія, по сношенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; продажу и всякую раздачу на кладбищѣ иконъ, книгъ, свѣчей и т. под. воспретить; в) завѣдываніе домою и всеми приходами и расходами поручить эконому и другимъ управителямъ—съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы не было безгласныхъ ни расходовъ, ни приходовъ; выборъ ихъ изъ числа призрѣваемыхъ поручить смотрителю, съ утвержденія Совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества; 8) опредѣленіе смотрителя и преподаніе ему инструкціи предоставить министру внутреннихъ дѣлъ; смотритель постоянно долженъ жить въ какомъ-либо помѣщеніи богадѣленнаго дома и получать содержаніе изъ суммъ министерства; 9) для введенія всѣхъ сихъ правилъ въ дѣйствіе и для приведенія въ точную извѣстность современнаго положенія раскольниковъ безпоповщинской секты въ Москвѣ и ея окрестностяхъ командировать чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе тамошняго во-

еннаго генераль-губернатора; 10) бывшихъ старшинъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, по существу проступковъ каждаго изъ нихъ и по вредному вліянію, ими производимому, удалить *главныхъ* изъ Москвы, а *менше вредныхъ* оставить въ Москвѣ подъ присмотромъ мѣстнаго начальства⁴ (1).

Всѣ эти сильныя и вмѣстѣ справедливыя удары власти постигли Преображенское кладбище за то, что оно, какъ дознано было правительствомъ, „подъ личиною благотворительности распространило расколъ и своимъ возмутительнымъ ученіемъ способствовало разврату молодежи, привлекая тысячи бездомныхъ людей въ Москву“ (2). И хотя много было употреблено богатыми едосѣвцами усилій къ тому, чтобы если не совсѣмъ остановить, такъ по крайней мѣрѣ отсрочить на неопредѣленное время исполненіе указанныхъ Выбочайшихъ повелѣній, тѣмъ не менѣе ничто не помогло — ни интриги, ни подкупы, ни вопли о гоненіяхъ, достигавшія самыхъ высшихъ сферъ общества (3); отзывъ о покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ: „царь-то этотъ сильной натуры“ (4), данный петербургскимъ купцемъ Яковлевымъ агенту Преображенскаго кладбища еще въ 1826 году, оправдывался теперь въ очію Преображенцевъ. Не видя возможности избавиться отъ заслуженной кары закона, многіе изъ самыхъ видныхъ членовъ Преображенскаго кладбища рѣшились принять едновѣріе (5); другіе, болѣе упорныя и особенно про-

(1) Тамъ же стр. 614—616.

(2) Кельсиев. вып. 2, стр. 260.

(3) Тамъ же, стр. 189—190.

(4) Кельсиев. вып. 1, стр. 61.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 616; дѣло департ. общ. дѣлъ министер. внутр. дѣл. № 212, 1854 г. л. 49 и 50.

тиводѣйствовавшіе устройству единовѣрія, и въ томъ числѣ Семень Кузьминъ—самый вѣрный ученикъ Гнусина и горячій защитникъ безбрачія, удалены были изъ Москвы (¹); наконецъ въ 1854 году двѣ моленные Преображенскаго кладбища обращаются въ единовѣрческія церкви (²). При такомъ положеніи дѣлъ, уже самъ собою рѣшался поднятый многими московскими едосѣвцами, и особенно едосѣвками, вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить имъ неудобноносимое бремя дѣвства. Предаться по прежнему тайному разврату — въ надеждѣ, въ случаѣ беременности, найти пріютъ ребенку въ созданныхъ Ковылиныхъ апартаментахъ Преображенскаго кладбища, стало теперь болѣе, чѣмъ неудобно. Топить незаконно прижитыхъ дѣтей въ Хапиловскомъ прудѣ, какъ печадіе діавола, можно только дѣйствительному печадію діавола, а не родной матери. Воспитывать сына, или дочь, на свои средства—тяжело да и „зазорно“. И пришли послѣ всѣхъ этихъ разсужденій лучшія московскія едосѣвки къ тому заключенію, что можно любить, но не иначе, какъ въ бракѣ, — да не въ такомъ, какой заключаютъ новожены едосѣвскіе, и даже поморскіе, и который не сегодня—завтра можетъ быть разорванъ, по капризу мнимаго мужа, которому съумѣла бы приглянуться болѣе красивая и молодая дѣвственница, а въ бракѣ „церковномъ“, который хотя и незаконенъ „по вѣрѣ“, да за то крѣпокъ „по гражданству“. И тѣмъ легче могли придти московскія едосѣвки къ желанію брака *церковнаго*, что въ то время,

(¹) Кельеіев. вып. 2. стр. 201; дѣло департ. общ. дѣлъ 1854 г. № 212, л. 21.

(²) Свѣдѣн. о единов. церквяхъ. Москва, 1858 г. стр. 49; Правосл. Обзор. 1856 г. Май, стр. 118; Пегор. очеркъ единов. М. С—го, 1867 г. стр. 157—161.

какъ наставники Преображенскаго кладбища своимъ пзувѣрнымъ ученіемъ возбуждали въ нихъ отвращеніе къ безбрачію въ формѣ блуда, — а власть за это ученіе налагала на кладбище свою мощную руку, — правительство, какъ мы уже видѣли, стало строго преслѣдовать безсвященнословные браки даже поморцевъ. Съ другой стороны сближенію съ Церковію многихъ московскихъ едосѣвцевъ, хотя бы только для освященія ея молитвами брачнаго союза, содѣйствовали сами прежніе вожди ихъ, рѣшившіеся принять единовѣріе. И вотъ, вопреки всеѣмъ разглагольствіямъ наставниковъ кладбища о святости и спасительности дѣвственной жизни, являются въ концѣ прошлаго царствованія въ московской едосѣвщинѣ браки, — и притомъ — не въ формѣ только гражданскихъ союзовъ, заключенныхъ по взаимному согласію брачующихся, а браки церковные, которые совершались въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ. И въ подобные браки стали вступать, по выраженію автора „отсловія“, не только „нижняго сословія люди“, но и „почтенныя и знаменитыя лица христіанскаго рода и благочестія“, и послѣдніе даже чаще, чѣмъ первые, такъ какъ на людей богатыхъ и занимавшихъ видное общественное положеніе было обращено преимущественное вниманіе правительства. Главною виною этого несчастія и „нечестія“, какъ выражается авторъ „отсловія къ новоженамъ“, были „жены“, которыя, „изъ самыхъ обстоятельствъ видяще, сколь неблагонадежно, опасно и недѣйствительно“ вступать въ сожителства по одному взаимному согласію, „иначе и не соглашались, или очень рѣдко, итить“ въ дома своихъ возлюбленныхъ, которыхъ „держали прельстить“, какъ „съ вѣнчаніемъ“. Какъ сильно было это движеніе въ мо-

сковской еедосѣвщинѣ въ пользу брачной жизни, вызванное изложенными выше обстоятельствами, мы не знаемъ; но знаемъ, что и въ это время скрывались за стѣнами Преображенскаго кладбища личности, пользовавшіяся уваженіемъ большинства московскихъ еедосѣвцевъ, которыя по прежнему путь дѣвственный въ жизни считали единственно законнымъ, разрѣшая въ то же время „падать и каяться“. Таковъ былъ, между прочимъ, недавно умершій Макарь Ивановъ Стукачевъ, который, благодаря своему недугу, продолжавшемуся 38 лѣтъ, и терпѣнію, съ которымъ онъ переносилъ свое страдальческое положеніе, „заслужилъ, по выраженію почитателей его, не простую и не обыкновенную почесть отъ многихъ, не только своихъ одновѣрцевъ, но и пновѣрцевъ“, и въ послѣдніе 25 лѣтъ былъ „незымымъ руководителемъ“ московскаго еедосѣвства (1), и который до конца дней своихъ требовалъ отъ всѣхъ еедосѣвцевъ безбрачія, хотя бы и не дѣвственнаго. А потому неудивительно, если большинство московскихъ еедосѣвцевъ и въ разсматриваемое нами время по прежнему продолжало гнущаться брака и вело жизнь развратную. И это не предположеніе только, а горькая правда, засвидѣтельствованная лицами, имѣвшими случай близко ознакомиться съ московскимъ еедосѣвскимъ расколомъ въ концѣ прошлаго царствованія. Въ 1854 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ чиновникъ (2) въ Москву для „приведенія въ извѣстность“ тогдашняго „положенія раскола безпоповщинской секты“ въ древней столицѣ, и вотъ что писалъ онъ о еедосѣвскомъ безбрачіи: „когда малолѣт-

(1) „Истина“, 1867 г. кн. 2, л. 62—74.

(2) Дѣйств. Ст. Совѣтн. Игнатъевъ.

ній начнетъ приходить въ возрастъ, старухи знакомятъ его съ своими же молодыми дѣвцами, только бы отклонить отъ женитьбы и отъ связей съ православными женщинами; а чтобъ не допускать браговъ и между своими, предоставляютъ юношамъ и дѣвцамъ всѣ случаи къ любовнымъ интригамъ и связямъ, полагая въ основаніе такой порочной жизни, что „не женившийся нечется о Господѣ, а женившийся — како угодити женѣ“, что неженатый и не замужняя всегда могутъ покаяться въ своемъ грѣхѣ, а обратившіеся не захотятъ до смерти оставить своего сожителства и плотскаго грѣха, присовокупляя къ тому писаніе основателя преображенскаго дома Ильи Ковылина, гдѣ сказано: „эта прелесть цестра — пестра, зане сатанина сестра“. При переходѣ же въ расколъ православныхъ, прискиваютъ для молодаго мужчины молодую и хорошей наружности вѣстную мать, а молодымъ дѣвцамъ — не старыхъ и зажиточныхъ вѣстныхъ отцевъ, дабы они пригодились другъ другу въ любовныхъ интригахъ. За это духовные ихъ отцы не строго наказываютъ, особенно если такая связь будетъ скрытною. Люди же, знающіе всѣ подробности этого раскола, удостовѣряють, что при подобныхъ связяхъ за уничтоженіе дѣтороженія сильными и извѣстными имъ медикаментами, или за умерщвленіе окрещеннаго уже ребенка, многіе духовные отцы даже одобряють, объясняя, что тайный грѣхъ тайно и судится, а умерщвленый младенецъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе и родителямъ. Если же кто-нибудь изъ раскольниковъ, соскучивъ порокомъ любодѣянія, или по любви къ одной какой-либо своей сектанткѣ, пожелаетъ любовь ея присвоить себѣ одному, въ такомъ случаѣ, при безуспѣшности всѣхъ средствъ къ

отклоненію молодаго раскольника отъ женидбы, старухи стараются сосватать ему любимую, или другую, по ихъ видамъ и по его желанію, невѣсту изъ своего толка, и свадьба устривается безъ вѣнчанія, а однимъ прїѣздомъ невѣсты въ домъ жениха, при чемъ многіе привозили себѣ женъ въ посты, даже на первой и страстной недѣляхъ великаго поста. Родители удаляются отъ присутствія на этихъ свадьбахъ, чтобы не подвергнуться за доущеніе брака дѣтей установленной епитиміи — шестидневному посту и поклонамъ, чему подвергаются и сторонніе, участвовавшіе въ брачномъ торжествѣ⁴. Мало этого: какъ бы въ замѣнъ тѣхъ едосѣвокъ, которыя, гнушались разврата и не вѣря въ прочность сожительствъ—по одному взаимному согласію, не иначе рѣшались идти въ дома къ избраннымъ ихъ вниманіемъ мужчинамъ, какъ „съ вѣнчаніемъ“, образовался около 1850 года въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ—изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось „письменное удостовѣреніе кровью изъ руки въ томъ, что она ненавидитъ брачное супружество“. Невольно чувствуется грусть при встрѣчѣ съ подобнымъ изувѣрствомъ; за то тѣмъ большее сочувствіе возбуждаютъ къ себѣ разные Соколовы, Осиповы, Тихомировы и другіе московскіе кушцы и мѣщане — едосѣвцы, которые, внявъ голосу совѣсти, или устрашась преслѣдованія власти, бросали едосѣвское мнимое дѣвство и вступали въ законные браки съ благословенія Церкви, за что изгонялись изъ своего общества, какъ зачумленные, и могли бывать въ прежнихъ своихъ моленныхъ только при совершеніи погребенія умершихъ, или при крещеніи. Число подобныхъ „отступниковъ“ отъ православія, какъ

величали ихъ бракоборцы, было не велико; но за то это были лучшіе люди московской еедосѣвщины, которыми сами вожаки бракоборцевъ старались впоследствии „защитить свое общество отъ нареканій правительства и общественной печати за непріятіе браковъ“ (1).

Если же мощная рука покойнаго Императора въ состояніи была поколебать московскую еедосѣвскую общину съ ея знаменитымъ Преображенскимъ кладбищемъ, то само собою понятно, что еедосѣвцы петербургскіе, бывшіе, такъ сказать, на глазахъ правительства, еще менѣе могли скрыть отъ власти свои злоупотребленія, а въ слѣдствіе этого еще болѣе должны были сосредоточить на себѣ ея вниманіе. А злоупотребленія петербургскихъ еедосѣвцевъ были тѣже, какія замѣчены были правительствомъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, именно: отрицаніе брака и допущеніе въ слѣдствіе этого блудной жизни и дѣтоубійства, и затѣмъ неповиновеніе власти и отрицаніе молитвы за нее (2). Эти-то пункты еедосѣвскаго ученія, замѣченные правительствомъ собственно въ петербургской еедосѣвщинѣ Волковскаго кладбища, и были причиной того, что съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Александра 1-го власть стала постоянно и зорко слѣдить за этой сектой, и притомъ, какъ увидимъ ниже, не только въ столицахъ, но и въ другихъ городахъ, въ которыхъ еедосѣвцы составляли наибольшій процентъ въ населеніи раскольничьемъ. Петербургскіе еедосѣвцы имѣли въ столицѣ въ разсматриваемое нами

(1) Два департ. общахъ дѣл. 1854 г. № 212; Истор. минист. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 635—6; „Истѣна“, 1867 г. кн. 2, л. 71 об. и. 72.

(2) Бельсисвъ вып. 4, стр. 235.

время слѣдующія заведенія: богадѣльню и моленную, называвшуюся Косцовой и находившуюся въ 3 адмиралтейской части; моленную съ богадѣльней, называвшуюся Зеленковой и находившуюся въ Рождественской части на Малоохтенскомъ проспектѣ (1); богадѣльню, больницу, моленную и кладбище, находившіяся въ Охтенской части и называвшіяся Димитріевскими, — наконецъ мужскую и женскую богадѣльни съ двумя моленными и кладбищемъ, называвшіяся Волковскими и находившіяся въ каретной части на Волковомъ кладбищѣ (2). На эти-то заведенія петербургскихъ еодосѣвцевъ правительство главнымъ образомъ и обратило свое вниманіе. Еще въ 1820 году, по поводу открытыхъ петербургскою полиціею разнаго рода злоупотребленій между еодосѣвцами Волковского кладбища, были изданы слѣдующія распоряженія относительно раскольниковъ этой секты: 1) „гражданское правительство должно обращать вниманіе на все то, что въ дѣйствіяхъ раскольниковъ еодосѣвской секты заключаться можетъ противозаконнаго, посему 2) полиція должна неослабное наблюденіе имѣть, чтобы лица, живущія въ домахъ кладбищенскихъ раскольническихъ обществъ, или, иначе, стеченіе людей заключающихъ, имѣли непремѣнно: а) узаконенные паспорты; б) опредѣленный родъ жизни, заключающійся или въ честномъ ремеслѣ, или въ извѣстномъ промыслѣ, и в) постоянное занятіе дѣломъ своимъ; 3) люди безпаспортные, или съ ложными и разнообраз-

(1) Въ истор. мин. внутр. дѣл. (кн. 8) въ одномъ мѣстѣ (стр. 293) объ эти моленные называются филиновскими, а въ другомъ (стр. 402) — еодосѣвскими; справедливо последнее мнѣніе (собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 473; сборн. для истор. стар. т. 2, вып. V стр. 187 прилож.)

(2) Истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 402.

ными видами живущіе въ раскольническихъ общественныхъ домахъ, или частно у кого—нибудь изъ нихъ, должны быть немедленно задержаны, для поступленія соотвѣственно законамъ о безпаспортныхъ, бѣглыхъ, бродягахъ и людяхъ подозрительныхъ изданнымъ; 4) женщины безъ дѣла и письменныхъ видовъ, а наипаче молодая, живущія въ сихъ общественныхъ домахъ, не должны быть въ нихъ терпимы и подлежатъ къ разсылкѣ къ родственникамъ своимъ (кто ихъ имѣетъ), или въ мѣсто ихъ рожденія, или отколь онѣ въ сіи общественные дома зашли; 5) строгое наблюденіе быть должно за послѣдствіями незаконнаго рожденія, обнаруживающаго подкидываніе дѣтей и убійство оныхъ рождающими ихъ дѣвками; обязанность полиціи—таковыя пагубныя поступки обнаруживать и виновныхъ отдавать суду; 6) полиція не оставитъ имѣть надлежащаго наблюденія, дабы какъ въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ, такъ и частно въ домахъ ихъ исполняемы были обязанности, возложенныя вообще на всѣхъ жителей, дома имѣющихъ: объявлять о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ, о видахъ ихъ, занятіи, времени пребыванія и пр.; посредствомъ сего прекращены быгь могутъ злоупотребленія, нынѣ нерѣдко по пристанодержательству раскольниками бѣглыхъ, или людей соблазнительныхъ, отрывающіяся; 7) обязанность полиціи будетъ имѣть поименный списокъ всѣхъ тѣхъ лицъ, кои при богадѣленныхъ и иныхъ общественныхъ раскольничьихъ домахъ находятся будутъ, повѣрять виды ихъ, удостовѣряться въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца о убыли, или прибыли въ нихъ и проч.; 8) обратить вниманіе на больныхъ, оставляемыхъ раскольниками безъ всякой помощи и доставлять имъ нужное

пособіе посредствомъ помѣщенія ихъ въ больницы приказовъ общественнаго призрѣнія, или употребленіемъ на мѣстахъ жительства ихъ врачей; по исцѣленіи же таковыхъ, обращать ихъ въ мѣста, гдѣ они по законамъ находятся должны“. Всѣ эти правила были направлены къ тому, чтобы показать, что едосѣвцы „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, безъ всякаго впрочемъ публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты, но что ни подъ какимъ видомъ не должны они уклоняться отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, закономъ опредѣленныхъ“ (1).

Не смотря впрочемъ на указанныя правила, петербургскіе едосѣвцы не стѣснялись въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Такъ напр. въ 1829 году дошло до свѣдѣнія святѣйшаго синода, что моленная Косцова не только совращала въ едосѣвскую секту православныхъ, но даже, неизвѣстно какими путями, выхлопотала себѣ у свѣтскаго правительства право на это. И хотя св. синодъ распоряженіе военнаго генераль-губернатора, дозволившаго петербургскимъ раскольническимъ моленнымъ завести у себя книги для записи въ нихъ, между прочимъ, и „вступавшихъ въ расколъ отъ греко-россійской Церкви“, призналъ незаконнымъ и требовалъ „немедленно отиѣнить оное“ (2), — тѣмъ не менѣе и послѣ того пропаганда петербургскихъ едосѣвцевъ въ пользу ихъ вѣрованій не прекращалась. Такъ въ 1840 году правительство само заявляло, что едосѣвская секта, не смотря на то, что она была

(1) Собран. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 62—5.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 229—233.

признана „весьма вредною для общества“ еще въ 1820 году, „болѣе и болѣе распространяется“ въ столицѣ; въ слѣдствіе этого еще въ 1839 году Высочайше повелѣно было—„обратить вниманіе на находившуюся въ Петербургѣ раскольниковъ моленную Косцова“. И хотя свѣдѣнія, собранныя въ 1839 году объ означенной моленной петербургскою полиціею, были крайне невѣрны (1) и благоприятны едосѣвцамъ, тѣмъ не менѣе секретный комитетъ о раскольникахъ, которому поручено было разсмотрѣніе этихъ свѣдѣній, взглянулъ на дѣло иначе и журналомъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 25 день ноября 1840 года, положилъ: 1) духовное завѣщаніе купца Апарина, коимъ онъ предоставилъ купленный имъ у мѣщанина Петрова 3 адмиралтейской части во 2 кварталѣ домъ во владѣніе раскольниковъ общества, законнымъ непризнаваемого, считать недѣйствительнымъ и отдать помянутый домъ (въ которомъ помѣщалась моленная Косцова) со всею при немъ землею въ распоряженіе его законныхъ наследниковъ; 2) обративъ такимъ образомъ сей домъ во владѣніе того, кому по закону оный принадлежитъ, существующія въ немъ моленную и богадѣльню, произвольно раскольниками заведенныя и какъ уже неумѣстныя, закрыть, оказавъ престарѣлымъ, дряхлымъ и

(1) Вотъ что напр. писалъ военный генералъ-губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ о едосѣвцахъ моленной Косцова, разумеется, со словъ полиціи: „все они исповѣдуютъ св. единобожіе и нераздѣльную Троицу, и поклоняются св. животорническому Кресту и вѣтъ св. иконамъ, за Государя Императора и за всю Царскую фамилію молятся; раскольники сія преданія и таинства древлеправославной греко-россійской Церкви все безъ изыятія пріемають и за свяго почитаютъ; божественную же службу отправляютъ по древлепечатнымъ книгамъ, какъ была сначала ихъ предками отправляема, безъ всякаго измѣненія, но свѣдѣнствъ не пріемають. вновъ же никакого учительства не распространяють“ (Дѣл. деп. орг. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 3 и 4).

одержимымъ неизлечимыми болѣзнями должное призрѣніе въ другихъ существующихъ благотворительныхъ заведеніяхъ; колокола же, при сей моленной находящіеся, какъ принадлежность православныхъ церквей, передать въ вѣдѣніе С.-Петербургской духовной консисторіи. При этомъ подтверждено было „мѣстному губернскому начальству“, чтобы оно строго соблюдало изданныя въ 1820 году правила относительно петербургскихъ еодосѣвцевъ и „съ бдительнымъ надзоромъ“ слѣдило за тѣми изъ нихъ, кои жили въ кладбищенскихъ домахъ—Волковскомъ и на Малой Охтѣ, не дозволяя „вновь учреждать подобныя раскольническія заведенія, а существующія—распространять новыми зданіями“ (1). Въ этомъ распоряженіи, которымъ моленная Косцова обрекалась на уничтоженіе, а еодосѣвскія заведенія на Волковомъ кладбищѣ и на Малой Охтѣ подчинялись строгому полицейскому надзору, ни слова не говорится о еодосѣвской моленной, которая была извѣстна подъ именемъ Зеленковой и находилась на Малоохтенскомъ проспектѣ въ Рождественской части. Это—потому, что еще въ 1833 году домъ Зеленкова, въ которомъ находилась моленная, вмѣстѣ съ землею переданъ былъ, по распоряженію правительства, признавшаго завѣщаніе Зеленкова недѣйствительнымъ, наслѣдницѣ Зеленкова—княгинѣ Шаховской, въ слѣдствіе чего моленная съ богадѣльной потеряли свое прежнее значеніе и наконецъ, благодаря переходу этого дома отъ одного владѣльца къ другому,—такъ какъ княгиня Шаховская передала домъ и землю по купчей крѣпости мѣщанину Терентьеву, а этотъ послѣдній—купцу Зиновьевскому,—современно

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 380—2.

прекратила свое существованіе (1). Той же участи подверглась, въ силу вышеприведеннаго постановленія, и моленная Косцова, не смотря на всѣ старанія еедосѣвцевъ—пріостановить исполненіе Высочайше утвержденнаго мѣрція секретнаго комитета. 13-го ноября 1842 года моленная была запечатана; а потомъ, когда правительство узнало, что еедосѣвцы снова стали собираться сюда для молитвы, избравъ для этого нѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ,—моленная была совершенно уничтожена (въ 1848 г.) и иконостась сломана (въ 1849 г.), а находившіеся при ней богадѣленные, не смотря на предложеніе со стороны правительства—перейти въ городскія заведенія приказа общественнаго призрѣнія,—всѣ разошлись или на родину—въ губерніи, или помѣстились у своихъ родственниковъ въ Петербургъ (2). И хотя покойный Государь Императоръ, соглашаясь на уничтоженіе моленной Косцова, выразилъ опасеніе, чтобы при закрытіи ея не произошло какихъ-либо „безпорядковъ“ со стороны раскольниковъ, такъ какъ домъ, въ которомъ помѣщалась моленная, находился „среди самаго многочисленнаго стеченія народа“ (3),—тѣмъ не менѣе дѣло обошлось безъ всякаго сопротивленія со стороны заблуждающихся (4)—къ искренней радости петербургской полиціи.

Въ то время, какъ правительство обсуждало мѣры къ искорененію безпорядковъ въ моленной Косцова, имъ замѣчаны были „противозаконныя и вредныя дѣйствія раскольниковъ“ и въ еедосѣвскихъ богадѣльняхъ,

(1) Тамъ же стр. 146; ист. мин. внут. дѣл. кн. 8, стр. 406—7.

(2) Дѣл. дѣларт. общ. дѣл. 1839 г. № 77 л. 190—244, собр. пост. по ч. раск. 1838 г. стр. 473; истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 404.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1838 г. стр. 333—4.

(4) Снес. истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 638.

находившихся на Волковомъ кладбищѣ. Вслѣдствіе этого 18 апрѣля 1847 года секретный комитетъ съ Высочайшаго соизволенія опредѣлилъ: „въ видахъ учрежденія порядка, въ законахъ постановленнаго о частныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, находящіяся въ С.-Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ богадѣльни подчинить вѣдѣнію здѣшняго попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія“, — на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ подчинено было вѣдѣнію того же совѣта въ Москвѣ Преображенское кладбище. Попечителемъ волковскихъ едосѣвскихъ богадѣленъ былъ назначенъ членъ попечительнаго совѣта сенаторъ Жемчужниковъ (1), которому поручено было завѣдываніе и поморскими богадѣльнями, какъ это мы уже видѣли.

Въ 1850 году доведено было до Высочайшаго свѣдѣнія „о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ, жившихъ въ Малоохтенскихъ богадѣльняхъ едосѣвскаго согласія“. Съ цѣлю положить конецъ злоупотребленіямъ здѣшнихъ едосѣвцевъ, Государь Императоръ, 28 апрѣля того же 1850 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ — подчинить вѣдѣнію попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія и Малоохтенскія едосѣвскія богадѣльни, по примѣру волковскихъ, причемъ завѣдываніе этими богадѣльнями возложено было на того же сенатора Жемчужникова (2); а 8 декабря того же года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ запрещалось на будущее время принимать на призрѣніе въ столичныя раскольникыи богадѣльни не только раскольниковъ, но даже и постороннихъ лицъ; это—съ тою цѣлю, чтобы современемъ, когда изъ богадѣленъ

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. 473—477.

(2) Тамъ же стр. 530.

мало по малу выбудутъ всё призрѣваемыя, можно было уничтожить эти богадѣльни совершенно; для этого попечителю богадѣленъ вмѣнялось въ обязанность ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ именныя списки о лицахъ, проживавшихъ въ богадѣльняхъ, и о всякой, по какому бы ни было случаю происшедшей, убыли въ личномъ составѣ призрѣваемыхъ (1). Наконецъ, когда, вслѣдствіе этого распоряженія, число призрѣваемыхъ въ Малоохтенской еодосѣвской богадѣльнѣ уменьшилось до значительной цифры, они были переведены въ 1852 году въ волковскую еодосѣвскую богадѣльню, причемъ имущество Малоохтенской богадѣльни и моленной и денежныя суммы были присоединены къ собственности волковской богадѣльни, богослужебныя вещи, находившіяся въ ней, переданы были „на распоряженіе духовнаго начальства — съ тѣмъ, чтобы предметы, противныя ученію церкви, были доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а не вредныя, составлявшіе частную собственность, возвращены были по принадлежности“; самая же моленная Малоохтенская (еодосѣвская) сперва была запечатана, а за тѣмъ и совершенно уничтожена, причемъ всё зданія и постройки, находившіяся при ней, переданы были въ вѣдѣніе попечительнаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургъ (2); а въ декабрѣ того же 1852 года уразднено было и еодосѣвское кладбище на Малой охтѣ, при чемъ еодосѣвцамъ дано было право хоронить тѣла умершихъ своихъ единомыслениковъ на волковскомъ кладбищѣ (3). Последнее распоряженіе касательно еодосѣвскихъ за-

(1) Тамъ же стр. 555.

(2) Тамъ же стр. 571—573.

(3) Тамъ же стр. 578.

веденій въ Петербургѣ относится къ 1853 году и состояло въ томъ, что волковскимъ раскольниковымъ богадѣльнямъ—„съ цѣлю духовно-правственнаго дѣйствования на заблуждающихъ“ дано было „значеніе обыкновенной городской богадѣльни на законномъ основаніи“, подъ главнымъ завѣдываніемъ сенатора Жемчужникова, въ помощь которому командированъ былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ тоже время дозволенъ былъ пріемъ въ означенныя богадѣльни и лицъ православныхъ, для которыхъ одну изъ едосѣвскихъ молельнь велѣно было обратить въ православную церковь „съ опредѣленіемъ къ ней особаго священника“; наконецъ и зданія закрытой еще прежде Малоохтенской едосѣвской богадѣльни переданы были въ распоряженіе совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества—съ тѣмъ притомъ, чтобы на мѣстѣ одной изъ бывшихъ тамъ молельнь также устроена была церковь (1).

Такимъ образомъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича, всѣ молельни и другія заведенія петербургскихъ едосѣвцевъ, за исключеніемъ одной волковской молельни съ богадѣльнею, были или уничтожены, или лишены расколическаго характера и обращены въ обыкновенныя городскія богоугодныя учрежденія, а за самими едосѣвцами усиленъ былъ надзоръ полиціи. А послѣ этого не трудно понять, какъ должна была въ указанное время отнестись къ вопросу о бракѣ петербургская едосѣвщина. Понимая, что главной причиною всѣхъ невзгодъ, какія съ 1820 года стали постигать послѣдователей Крестецкаго дьячка, было изувѣрное ученіе Гнусина, которое имѣли неблагоразуміе

(1) Тамъ же стр. 607—8.

усвоить и приложить къ своей жизни нѣкоторые изъ столичныхъ учениковъ „премудраго Феодосія“, петербургскіе едосѣвцы, и прежде, благодаря особымъ условіямъ жизни столичной—на глазахъ правительства, смотрѣвшіе на брачную жизнь довольно снисходительно ⁽¹⁾, теперь должны были еще болѣе убѣдиться въ томъ, что ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ—хорошо, да только тяжело и—главное—не безопасно. А слѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что, за исключеніемъ едосѣвскихъ наставниковъ и тѣхъ лицъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которые питались крупницами своихъ благодѣтелей и кормильцевъ, или жили въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ на счетъ подавній разныхъ благотворителей, и поэтому *обязаны* были строго соблюдать правила своей секты, остальные столичные едосѣвцы мало по малу стали сближаться въ ученіи о бракѣ съ поморцами, и, по примѣру ихъ, начали обзаводиться семьей. Въ 1829 году моленная Косцова уже хлопочетъ предъ свѣтскимъ правительствомъ о разрѣшеніи ей—имѣть метрическія книги—для внесенія въ нихъ, между прочимъ, и „бракосочетавшихся“ ⁽²⁾. А потомъ, когда эта попытка не удалась, петербургскіе едосѣвцы рѣшились вступать въ безсвященнословные браки, по обрадамъ поморской секты, и стали вѣнчаться въ Малоохтенской поморской часовнѣ ⁽³⁾. Такъ, между прочимъ, вступила въ бракъ (въ 1836 г.), какъ мы уже видѣли, дочь извѣстнаго вожака петербургскихъ едосѣвцевъ, купца 1-й гильдіи Абрама Яковлева, съ купцемъ Се-

(1) Христ. Чит. 1867 г. ч. 1, стр. 944—951; ч. 2, стр. 1007—8.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2 стр. 229—233.

(3) Въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть свѣдѣнія о томъ, будто вѣнчаніе раскольническихъ браковъ совершалось въ 30-хъ годахъ даже въ Малоохтенской едосѣвской моленной (Дѣл. департ. общ. дѣлъ 1839 года № 77 лист. 56—7); но это извѣстіе едва ли справедливо.

меновымъ (1). Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Яковлевъ, пользуясь расположеніемъ многихъ въ Петербургѣ, былъ въ тоже время главою и руководителемъ столичной едосѣвщины, за совѣтами къ которому обращалось само Преображенское кладбище (2), можно понять, какое вліяніе на петербургскихъ бракоборцевъ должно было произвести торжественное бракосочетаніе его дочери въ поморской часовнѣ. Наконецъ, когда правительство обратило (съ 1839 г.) свое вниманіе на безсвятеннословныя, или сводныя, браки безпоповцевъ и стало преслѣдовать ихъ, когда въ слѣдъ за тѣмъ вѣнчаніе браковъ въ Малоохтенской поморской часовнѣ сдѣлалось болѣе, чѣмъ затруднительнымъ, когда наконецъ въ 1842 году едосѣвцы, за отверженіе ими брака и молитвы за царя, были причислены властію къ „вреднѣйшимъ сектамъ“ (3), — петербургскіе едосѣвцы, какъ люди, дорожившіе хорошимъ о себѣ мнѣніемъ и желавшіе ничѣмъ не отличаться (по внѣшности) отъ православнаго общества (4), стали не только вступать въ браки, но даже вѣнчаться въ единовѣрческихъ и православныхъ церквахъ, разумѣется, оставаясь въ тоже время послѣдователями „древняго благочестія“ и неся за свой невольный грѣхъ разнаго рода эпитиміи, по указанію и настоянію наставниковъ, большинство которыхъ впрочемъ потворствовало увлеченіямъ своихъ богатыхъ и вліятельныхъ учениковъ и съвозъ пальцы смотрѣло даже на тѣхъ изъ нихъ, кои „брачились съ дѣтьми антихристовыми“, т. е. вступали въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія.

И. Нильскій.

(1) Христ. Чт. 1869 г. июнь, стр. 865.

(2) Кельсиев. вып. 1, стр. 60—1.

(3) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 409.

(4) Сборн. для истор. старообр. т. 1, стр. 27—8; 52—3.